

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, УКУСИ МЕНЯ!»:

ВЕРОНИКА ФОКС
«КОРОЛЕВСТВО ОСТЫВШИХ МОРЕЙ»

ЛАНА ЕЖОВА
«В ШАГЕ ОТ ЗВЕРЯ»

В Е Р А П Е Т Р У К

СУМЕРЕЧНОЕ
СЕРДЦЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П31

Иллюстрация на переплете *О. Кандела*

П31 **Петрук, Вера Александровна.**
Сумеречное сердце / Вера Петрук. — Москва :
Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-180404-6

Добро пожаловать в королевство Готенрут! Раньше здесь правила Королева фей, но ее муж, молодой маг, по неопытности открыл врата в мир тьмы. Королевская семья погибла, в страну хлынула нечисть, а власть захватили вампиры, с которыми сражаются немногие свободные города людей.

Изгнанная из клана, вампирша Эсмина проклята и мечтает о возмездии. Потеряв способность пить кровь, она обречена на гибель, но случайно встретившийся колдун обещает ее спасти. Нужно всего лишь найти пять ключей от ворот старого королевского замка и посадить на трон мертвую принцессу. Отправившись в путь вместе с чернокнижником, крепко охраняющим свои тайны, Эсмина встретит немало друзей и врагов, прежде чем поймет, что в ее жизни появилось кое-что важнее крови. И слова, когда-то звучавшие в ее сердце, она вспомнит не сразу: от жизни к смерти и от смерти к жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180404-6

© Петрук В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

ПРОКЛЯТАЯ

— Отдай мне свою кровь! — прошептала Эсмина, осторожно перенося вес с ноги на ногу.

Она не питалась уже много недель, похудела и весила совсем ничего, но ветка все равно предательски затрещала и прогнулась, обещая оторваться от ствола, если вампир сделает еще хоть шаг.

Макушка березы колыхалась всего в паре метров над ее головой. Далеко внизу, под курчавыми зелеными облаками листвы, виднелось заболоченное русло реки, покатые берега с цветущим тростником да овражки с желтыми точками первоцветов. Вода текла еле-еле, местами уже покрываясь молодой ряской. Стояла необычно теплая, ранняя весна, разбудившая еще спящую природу громогласным гомоном вернувшихся с юга птиц, ласковым ветром и яркими погожими днями.

— Пожалуйста, дай немного...

Одной рукой Эсмина ухватила за верхнюю ветку, а вторую протянула к жертве, приглашая пичугу сесть на запястье. Она была уверена, что прочно установила связь, укрепила взгляд гипнозом, одним словом, договорилась, но дрозд думал иначе. Сверкнув черным глазом-бусиной, он взмахнул крыльями и, выронив перо, изящно упорхнул,

исчезнув в кудрявой зелени соседних берез. Эсмина жадно проводила его взглядом, но прыгать на другие деревья не стала. Слишком далеко и хлопотно. Крови в птахе мало, а по договору вампиру вообще достались бы капли. Лишь зря потраченные усилия. Грызуны и звери покрупнее попрятались в весеннем лесу так, что не оставили охотнику ни шанса, а ведь Эсмина новичком в этом деле не являлась. Ее второе рождение произошло почти сто лет назад, и в свое время она считалась лучшим охотником клана.

Как же давно это было...

Ветка все же не выдержала и, затрещав, опасно накренилась к земле. Эсмина приникла к стволу и, сдирая кору, с шумом съехала вниз. О тишине она уже не заботилась: охота не задалась с самого утра, а безмолвие леса ничего, кроме голода, не обещало.

Все было неправильно, все катилось к чертям, а вернее, к Темному Хозяину, которому Эсмина лично не служила, но знала многих, кто умудрился продать ему душу. Вампиры не уговаривали жертву, не охотились на птиц, не карабкались по березам и, как правило, не голодали. Людских селений поблизости хватало, да и леса были богаты дичью. Это только ей, Эсмине, не везло.

Начать с того, что она переродилась не обычным вампиром, а полуденным. Днем бодрствовала, ночью спала, и уже одно это обстоятельство сделало ее изгоем в собственном клане. Таких терпели, но не любили — завидовали. То, что запрещено, манит сильнее всего, и солнце, убийца вампиров, — заветная мечта каждого кровососа. Ей же было дано

любоваться в равной степени и луной, и солнцем. Дневной свет не сжигал ее кожу, она бодрствовала в любое время дня и ночи, что делало Эсмину особенным вампиром и почти совершенным хищником — опасным и непредсказуемым. Она пробовала спать, как все, днем, но организм сдался через месяц, и больше против самой себя Эсмина не бунтовала.

Она честно и преданно служила клану, сторожа Гнездо днем и тщательно прячась ночью. В отличие от других вампиров Эсмина не была привязана к гробу и могла выбирать место для ночлега, где хотела. Чаще всего Гнезда устраивали в заброшенных замках, которых после Ритуала осталось много по всему королевству. Пустые, темные, разрушенные, они были похожи на гнилые зубы в пасти мертвеца, в которого превратился Готенруг много лет назад.

Тьму влечет к тьме, вампиры селились в подвалах и подземельях, чувствуя себя прекрасно среди руин. Но только не Эсмина. Она всегда искала остатки башен или донжонов, где выбирала более-менее сохранившуюся комнату на верхнем этаже. Однако после того, как ей едва не оторвали голову свои же, взревновавшие к главе клана, который, по их мнению, уделял полуденному вампиру слишком много внимания, Эсмина перестала спать в комнатах, предпочитая на ночь рыть норы в корнях деревьев. Острые когти, которые за сто лет второго перерождения она научилась отращивать до полуметра, помогали быстро справляться с задачей. Вампиры могли легко учуять себе подобного, но запах земли всегда сбивал их со следа. Поэтому

уже много лет Эсмина предпочитала спать в норах, с каждым днем теряя то небольшое, что когда-то роднило ее с человеком.

А вот Кройн до последнего дня называл ее «своей дурочкой», хотя Эсмина не раз говорила, что не любит ни его, ни такое обращение. Она была зверем, хищником, нечистью и, уж конечно, не «дурочкой». Но с главой клана не поспоришь. Причуды Кройна терпели все, терпела и она.

Затем настал тот самый день, когда все закончилось, а неправильное стало и вовсе абсурдным. Обычно Эсмина не участвовала в набегах, ведь их устраивали ночью, а в темное время суток она была бесполезна. Умение видеть в темноте ей не передалось. Но Кройн тогда настоял, что пойти должны все — и новообращенные, и даже Эсмина. Разбирались с одним графом-предателем, который поставлял клану жертв, но сговорился с соседями и предал Кройна, напав на убежище вампиров днем. Тогда всех спасла Эсмина. Она вовремя заметила приближающихся воинов и обрушила вход в катакомбы, где хранились гробы клана. Правда, не очень-то ее заслуги оценили, ведь разгребаться пришлось не одну ночь. Тем не менее вылазка графа прошла неудачно, а вот контратака Кройна — вполне успешно.

Разорили и соседние земли, и сам замок предателя. Обычно вампиры берегли «стадо», не занимаясь массовым уничтожением, но Кройн, чья честь была задета, решил уходить в другие места, здесь же не оставить камня на камне.

Эсмина в боине не участвовала, сторожила у входа. В замок проникли еще на закате, испор-

тив все факелы, свечи и камины. Резня проходила в темноте, кровь летела во все стороны так, что, казалось, даже луну забрызгало. А луна в ту ночь была особенная, ярко-желтая, налитая, такие только на стыке сезонов бывают.

Эсмина скучала, зевала и старалась не думать о крови. Мысли о ней занимали голову упыря большую часть времени, наполняя немногие оставшиеся часы тоской и страданиями. А может, так было только с Эсминой, потому что, глядя на других вампирш клана Кройна, она не могла сказать, что те когда-либо страдали. Если не кровь, то забава и любовь, иначе зачем дана вторая жизнь, говорили в клане. Несогласная Эсмина помалкивала, у нее и так хватало различий с братьями и сестрами, чтобы выделяться еще и мнением, однако веселые игрища клана, переходившие в оргии, ее обычно утомляли. Ссылаясь на свою «полуденную» натуру, она уходила спать, но Кройн потом всегда высказывал ей свое недовольство.

В ту ночь и случилось то, что сожгло последний мост, соединявший Эсмину с членами клана. Она сидела на камне, прислонившись спиной к сырому граниту замковой стены, и бездумно глядела на луну, которая нравилась ей куда меньше солнца. В отличие от людей Эсмина могла спокойно глядеть на дневное светило, не боясь выжечь глаза. И в хаотичном мареве ей порой виделось такое, о чем она предпочитала даже не вспоминать, не то чтобы с кем-нибудь делиться. За разговор о солнце любой вампир мог выцарапать глаза. Ну или хотя бы попытаться это сделать, потому что после де-

сятка покушений с Эсминой связываться перестали. По непонятной причине ей достался не только полуденный дар, но и огромная физическая сила, уступавшая разве что силе Кройна. После того как Эсмина разорвала на части трех сестер клана, пытавшихся поставить «неправильную» на место, трогать ее боялись, но о каждом «проступке» помнили.

Итак, Эсмина безмятежно глядела на луну, когда к ее ногам приземлилось тело. Оно прилетело с верхней башни, потому что при ударе о камни сильно деформировалось. Однако все еще можно было разглядеть очертания молодого женского тела в разорванном платье. Что-то подсказывало, что одежду на ней порвали еще там, на вершине. Кройн никогда не проходил мимо красивых женщин. Понять, была ли дама красавицей при жизни, оказалось уже сложно, ее лицо сильно разбилось, волосы прилипли к кровавому месиву, когда-то бывшему носом, губами и глазами. Но, как ни странно, несчастная еще дышала.

Нечеловеческим усилием воли она приподнялась на поломанных руках и уставилась на Эсмину единственным уцелевшим глазом, который сверкал сквозь кровавое облако волос и плоти, как отражение полной луны в болотной полынье. Тогда бы Эсмине догадаться, что за жертва упала к ее ногам, да броситься бежать, но она была слишком погружена в лунные думы и заметила подвох не сразу.

Поднявшись, Эсмина не спеша направилась к женщине, собираясь свернуть ей голову. В отличие от садиста Кройна, который пытался привить жестокость каждому обращенному вампиру, Эсми-

на мучения не любила. Своих жертв она, как правило, крепко усыпляла и никогда не выпивала до конца, предпочитая утолять вечную жажду несколькими людьми — потом живыми, чем напиваться одним человеком досыта — потом обязательно мертвым. А еще Эсмина была брезгливой и никогда не пила кровь раненых, считая это дурной приметой.

Проявить жест милосердия и свернуть шею несчастной не удалось.

Зато в следующую секунду Эсмина на собственной шкуре почувствовала, каково это, когда тебе пытаются сломать шею. Нет, женщина к ней даже не приближалась. Вытянув скрюченную руку с изувеченными пальцами, она сжала их в кулак, отчего Эсмину дернуло вверх, приподняв от земли едва ли не на метр. Ее ноги беспомощно засучили в воздухе, и, хотя она, будучи неживой, не могла задохнуться, ощущения испытала такие, словно сейчас сдохнет.

Но, видимо, силы уже покидали ведьму, потому что Эсмину скоро швырнули обратно на камни, а голос, проникший в каждую клеточку ее тела, прошептал:

— Проклинаю тебя, вампир! Будешь просить о крови до конца своих жалких дней! Больше ни один человек не умрет от твоих клыков!

Тот набег для Эмины закончился плачевно. Ведьма испустила дух сразу после проклятия, уплыв туманным облаком к луне, а вампирша, попавшая ей перед смертью, еще долго приходила в себя, не понимая, что ее прежней жизни пришел конец. Когда Кройн узнал, что Эсмина больше не может нападать, а только просить, чтобы жертва добро-

вольно поделилась с ней кровью, чаша его терпения переполнилась.

— Никто так не пахнет, как ты, моя дурочка, — сказал он, последний раз сжимая Эсмину в объятиях, — и никто не доставлял мне большей радости, но я не собираюсь кормить и нянчить тебя. Наш клан уходит на север, там новые земли, и слабые будут только помехой. Я прогоняю тебя из клана, лишаю его защиты и забираю твою силу. Иди с миром, Эсмина, но мой совет — утопись в болоте. Вампир, лежащий под гнилой водой без крови, погибнет через год, может, два. Смерть мучительная, зато верная. Мы не знали, что в гостях у графа была та ведьма. Многих братьев и сестер она забрала с собой. И лучше бы тебя тоже убила, потому что такое проклятие снять не сможет ни один колдун.

— Тогда убей меня сам! — взмолилась Эсмина.

Вся ее жизнь прошла вместе с кланом, а другой она себе не представляла. Особенно той, где нужно было молить жертв о крови. Она могла бы питаться кровью вампиров, но никто из братьев и сестер не захотел с ней делиться, Кройн же заставить их не мог. Как не мог он поделиться и своей собственной, потому что она предназначалась только для новообращенных.

— Нет, — покачал головой тот, кто когда-то подарил ей второе рождение. — Я не убиваю своих созданий, но ты можешь попросить об одолжении любого из Клана. Дамы тебе точно не откажут.

О, дамы не только ей бы не отказали, они с нетерпением ждали, когда Кройн оставит ее одну. После того как вампир изгонялся из Клана, сила его

меркла. Так лишилась ее и Эсмина, став слабее даже новосозданных.

Она не легла в болото и не подставила горло клыкам кройновских любовниц. Клан ушел на север, к долинам и морю, Эсмина же — на восток, в лесную глушь, которую люди и нелюди называли Млывом — местом между небом и землей. Здесь никто не жил по-настоящему, а каждый попавший сюда гадал, мертв он или еще жив.

Эсмина и раньше навевалась в Млыво, в основном за дичью, когда людей в округе становилось мало и вампиры переходили на животных. Со зверем в Млыве никогда не было проблем, и Эсмина, уходя в чащу, была уверена, что, применив гипноз, сможет «договориться». Она сомневалась, что гипноз относится к «добровольным» методам, однако проверить, работает ли этот способ добычи еды, так и не удалось. Леса пустовали. Казалось, что все звери ушли вслед за вампирами на север. Сегодняшний дрозд был первым живым теплокровным созданием, кого Эсмина встретила за долгие недели блуждания по Млыву.

В голову, конечно, лезло всякое нехорошее. И что она случайно перешла границу, оказавшись в царстве духов, где живым, разумеется, нет места. И что проклятие умирающей ведьмы было куда страшнее, чем казалось на первый взгляд. И что она, Эсмина, уже умерла, просто еще не знает об этом.

С трудом заставив себя не думать о крови, Эсмина отправилась бродить меж берез, с любопытством рассматривая деревья. Раньше встречались лишь тополя да ясени, а сейчас вот пошли березы.

Так она добрела до первых срубов и остановилась в задумчивости. Пеньки говорили об одном: люди близко, а значит, в мир духов она не забрела. В окрестностях Млыва находилась только одна деревня — Ялмар. Клан Кройна лет тридцать назад охотился в этих местах, но потом люди стали вырождаться и уезжать, и было решено оставить деревню в покое. Эсмина так и не поняла, каким образом у нее получилось вернуться обратно к владениям Кройна. Она собиралась уйти как можно дальше на восток, а, оказывается, бродила кругами.

Идти в Ялмар за кровью было еще худшей идеей, чем лечь в болото. Кройн оставил после себя такой кровавый след, что о его бесчинствах местные, без сомнений, сохранили память на века. После первой же «просьбы» о крови ее сожгут без всякого суда.

Решив обойти Ялмар стороной, Эсмина пошла к реке, чтобы перейти на другую сторону. Насколько она помнила, на левом берегу люди никогда не жили.

Течение было быстрым, вода — ледяной. Если второе не пугало, ведь Эсмина давно не чувствовала холода или жара, то сильное течение могло ее унести. С тех пор как Кройн лишил ее силы клана, она очень ослабела. Раньше бросилась бы в быстрые воды, даже не задумываясь, сейчас же замерла на берегу, кусая бескровные губы.

Подняв ладони к лицу, Эсмина огладила впалые щеки, провела по все еще тугой груди, тонкой талии, опустила руки на покатые бедра. Она исхудала, но еще не достигла той точки, после которой возврат к привычному существованию и человеческо-

му виду невозможен. У нее еще осталось немного времени, но слишком мало. Пока она могла предложить людям сделку. Все, что у нее есть, — это тело. Отдать его похотливому селянину за глоток крови сейчас представлялось вполне разумным.

А если она не сможет остановиться? После столь длительного голода Эсмина сомневалась в том, что глотка ей хватит. А Ялмар не такой большой, чтобы договариваться сразу с двумя людьми. Или она все усложняет? Отправиться в деревню, найти первого попавшегося пастуха или дровосека, соблазнить, а дальше будь что будет? Кровь придаст силы, убежать она сумеет. Но если поделившаяся с ней кровью жертва умрет, люди непременно начнут облаву.

Эсмина помнила жуткие времена лет пять назад, когда селяне одной деревни, в которой «питался» клан, пригласили профессионального охотника на вампиров. Тот человек знал свое дело. Потеряв с десяток сестер и братьев, Кройн вынужден был бежать, впервые добровольно оставив «пастбище». Эсмине тогда не посчастливилось лично встретиться с охотником, который оставил ей на память длинный шрам поперек спины — след кнута с серебряным шипом на конце.

Погрузившись в невеселые думы, вампирша вернулась к берегу и побрела в высоком тростнике, который цеплялся за разорванную юбку и растрепанные волосы, уже спускавшиеся ниже бедер. Превратившись в изгоя, Эсмина перестала следить за внешностью. Волосы у вампиров росли еще быстрее, чем когти, а подрезать их — процедура слож-